

**Виталий Валентинович
Бианки**

Рассказ «Подкидыш»

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили её яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым.

Я решил спасти спрятанного в нём птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет мне его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалёку гнездо другой птички — пеночки-пересмешки. Она только что отложила своё четвёртое яичко.

Но примет ли пересмешка подкидыша? Яйцо каменки чисто-голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те — розовые с чёрными точечками. И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только ещё дней через двенадцать. Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на берёзе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошёл к берёзе, пересмешка слетела с гнезда. Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла не трогать её гнезда.

Я положил голубое яичко к её малиновым, отошёл и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо. Но всё-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо.

Подкидыш стал приёмышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выключнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошёл к берёзе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой — хвост пересмешки.

Сидит!

Когда она слетела, я заглянул в гнездо. Там было четыре розовых яичка и рядом с ними — голый слепенький птенчик каменки. Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула её в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки. Очень меня удивляло, как она поспеваает и каменку кормить и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтоб не помешать ей в этом важном деле. На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост. Я подумал: «Всё кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду».

Но нет, в гнезде лежала живая каменка. Она спала и даже не тянула вверх головку, не разевала рта: значит, была сыта. Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под неё розовые яички.

Тогда я догадался, что приёмьш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел её яички — высиживал ей птенцов.

Так оно и было. Пересмешка кормила приёмьша, приёмьш высиживал её птенцов.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах. И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из розовых яичек. Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов и выкормила их на славу.

Сказки-несказки: «Сова»

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт — молоком белит. Летит мимо Сова.

— Здорово, — говорит, — друг!

А Старик ей:

— Ты, Сова, — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонисься, — какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

— Ладно же, — говорит, — старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, — сам лови.

А Старик:

— Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На Стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

— Погляди-ка, кума, не летит ли Сова — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

— Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

— А пускай идут, — говорит Старик. — Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

— А пускай летят, — говорит Старик. — Что от них толку: ни мёду, ни воску, — волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

— И ветер разнесёт, — говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, — не родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, — трава, слышь, без клеверу что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощатъ, стала молока сбавлять; поило лижет, а молоко всё жиже да жиже.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придёшь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на Стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощат. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старикку чай белить — пошёл Старик Сове кланяться:
— Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай, нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.
— То-то, — говорит, — старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось.
Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей пугать.

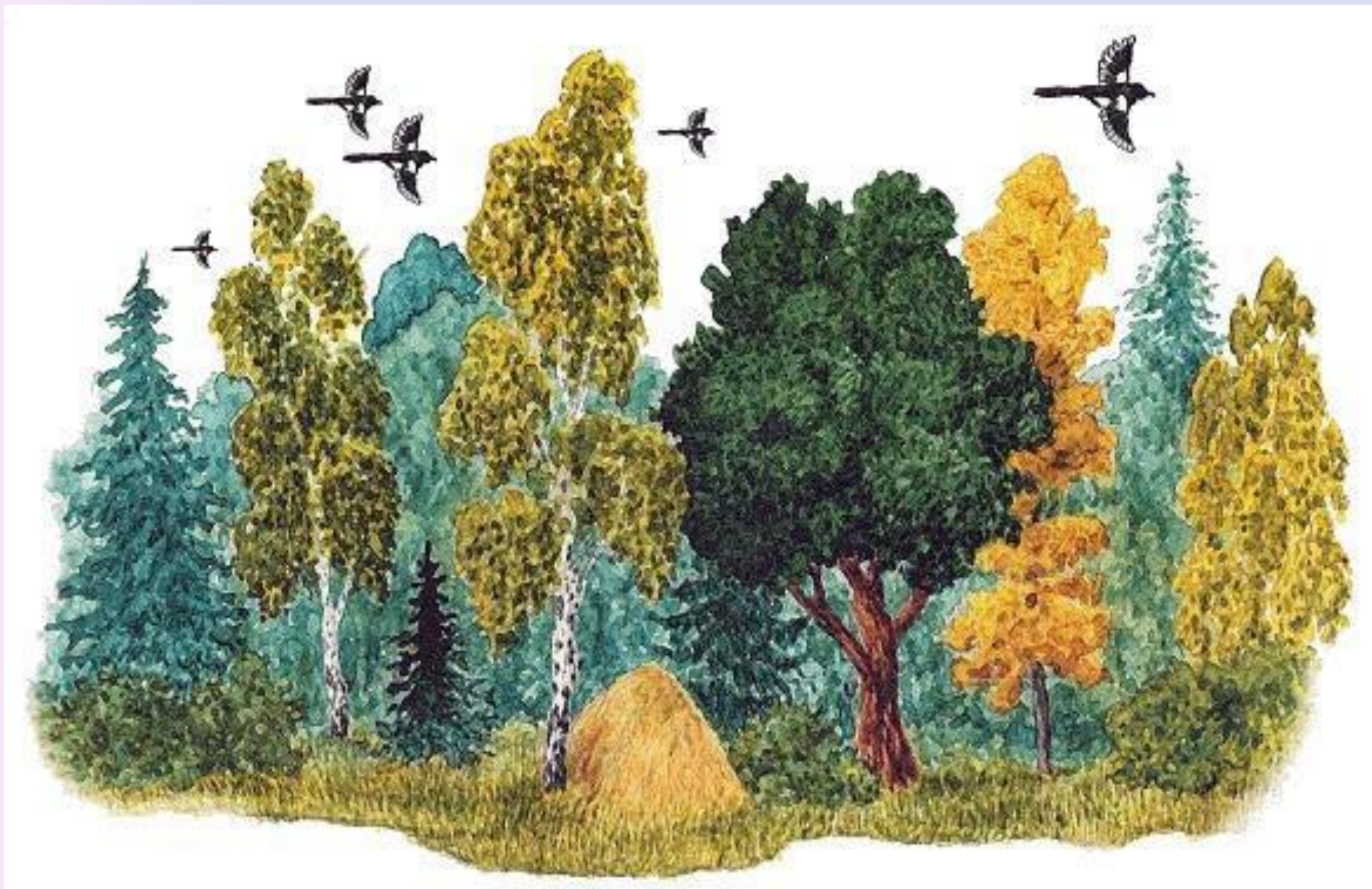
Сова полетела мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.
Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать. Молока у Коровы много.
Стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

Рассказ «Чей нос лучше»

Мухолов-тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Только покажется муха или бабочка, он сейчас же на крылья, поймает её и проглотит. Потом опять сядет на ветку и ждёт, высматривает.

Увидел поблизости дубоноса и стал ему плакаться на своё горькое житьё.

- Мне, - говорит, - очень уж утомительно пропитание себе добывать. Целый день тру-

дишься, трудишься, - ни отдыха, ни покоя не знаешь. А всё впроголодь живёшь. Сам подумай: сколько мошек надо поймать, чтобы сытым быть! А зерно клевать я не могу: нос у меня чересчур слаб.

Да, твой нос никуда не годится, - сказал дубонос, - слабенький у тебя нос.

То ли дело мой! Я им вишнёвую косточку, как скорлупку, раскусываю. Сидишь себе на месте, клюёшь ягоды да щёлкаешь. Крак! - и готово. Крак! - и готово. Вот бы тебе такой нос.

Услыхал его клёст-крестонос и говорит: -У тебя, дубонос, совсем простой нос, как у воробья, только потолще. Вот посмотри, у меня какой замысловатый нос: крестом. Я им круглый год семечки из шишек вылуцываю. Вот так.

Клёст ловко поддел кривым носом чешуйку еловой шишки и достал семечко.

- Верно, -
сказал мухолов,
- твой нос
хитрей устроен.
- Ничего вы не
понимаете в
носах! -
прохрипел из
болота бекас-
долгонос. -
Хороший нос
должен быть
прямой и
длинный, чтоб
им козявок из
тины доставать
удобно было.
Поглядите на
мой нос.

- Посмотрели птицы вниз, а там из камыша торчит нос, длинный, как карандаш, и тонкий, как спичка.

-Ах, - сказал мухолов, - вот бы мне такой нос!

- Пстой! - запищали в один голос два брата-кулика - шилонос и кроншнеп-серпонос. - Ты ещё наших носов не видел!

И увидал мухолов перед собой два замечательных носа: один смотрит вверх, другой - вниз, а оба тонкие, как шило.

-Мой нос для того вверх смотрит, - сказал шилонос, - чтоб им в воде всякую мелкую живность поддевать.

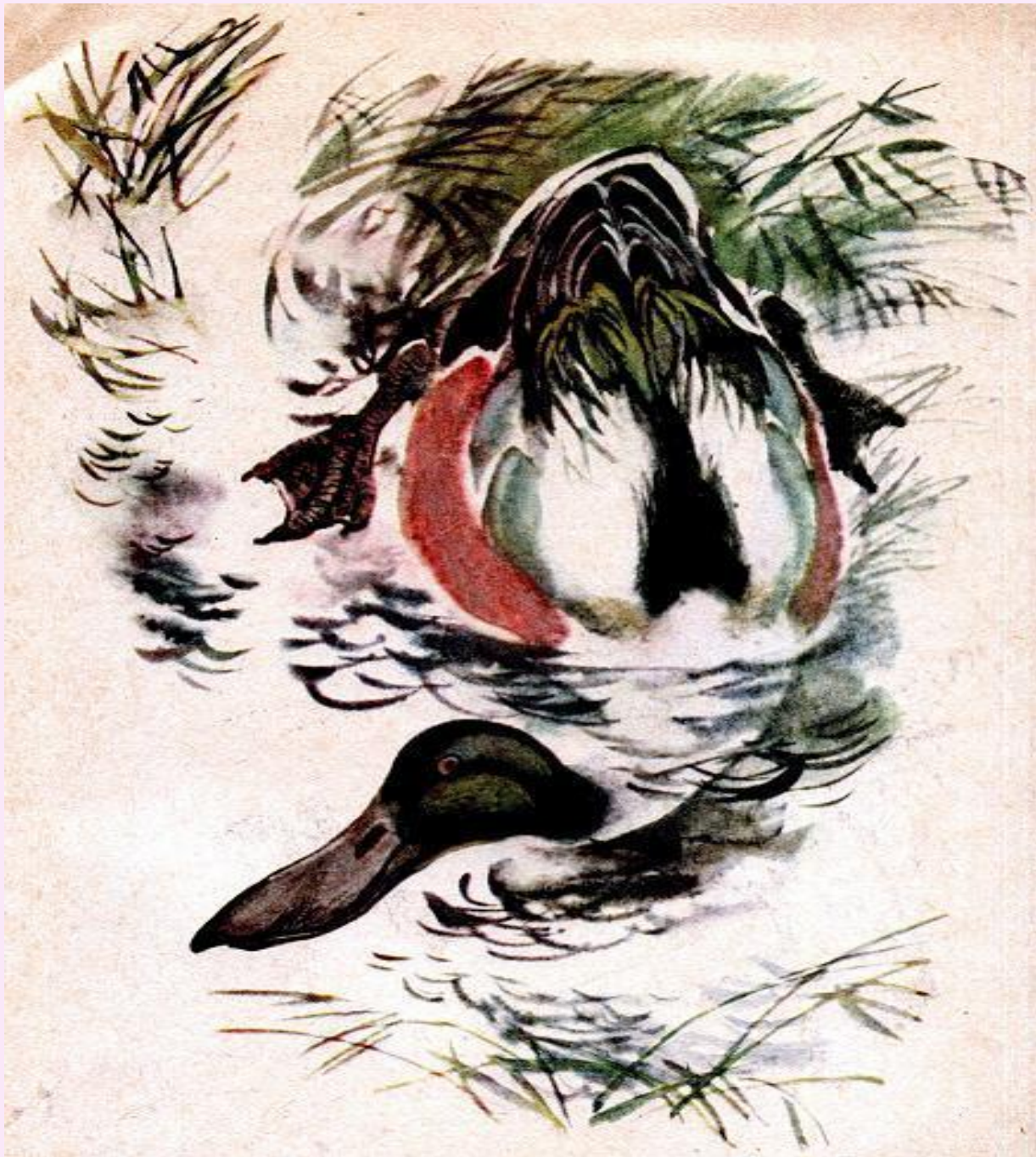
-А мой нос для того вниз смотрит, - сказал кроншнеп-серпонос, - чтоб им червяков из травы таскать. - Ну, - сказал мухолов, - лучше ваших носов не придумаешь. - Да ты, видно, настоящих носов и не видал, -

крякнул из лужи широконос. - Смотри, какие настоящие носы бывают: во-о!

Все птицы так и прыснули со смеху прямо широконосу в нос: - Ну и лопата!

- Зато им воду щелокчить-то как удобно! - досадливо сказал широконос и поскорей опять кувырнулся головой в лужу.

Набрал полный нос воды, вынырнул и давай щелокчить: воду сквозь края носа пропускать, как через частую гребёночку. Вода-то вышла, а козявки, какие в ней были, все во рту остались.